

Ирина Александровна Бубнова – Анна Петровна Клименко
(Москва, Россия – Минск, Беларусь)

КУЛЬТУРНЫЙ СДВИГ ПРИ БИЛИНГВИЗМЕ

Abstract: The article considers modern situation of confusion of languages in which new type of Bilinguals has appeared. The main characteristics of this type of Bilingual are discussed.

Keywords: confusion of languages, Bilinguals, new type.

Несмотря на периоды подъема и спада интереса лингвистов к проблемам смешения языков и билингвизма, данные явления никогда не выпадали из круга исследований ученых. При этом объединял эти исследования тот факт, что, как в конце XIX – начале XX века, так в середине двадцатого столетия, когда, с появлением работ У. Вайнраха и Т. Гивона, окончательно сформировалась креолистика, основной целью изучения этих феноменов являлся поиск ответа на один из главных вопросов лингвистической науки: какова роль дивергентных и конвергентных процессов в формировании различных языков мира.

На современном этапе развития лингвистики теория языковых контактов и ее последствия, а также феномен билингвизма вновь оказались в центре интереса не только языковедов, но и представителей смежных наук. Однако в настоящий момент акцент сместился непосредственно на сами процессы креолизации и пиджинизации, а в фокусе внимания оказалась проблема выживания языков, стремительно изменяющихся в ходе глобализации под влиянием политической, экономической и культурной экспансии США. При этом, как представляется, специфика нынешней ситуации состоит в том, что данный процесс достаточно активно стимулируется как различными социальными институтами, поддерживающими разрушение национального языка (иной вопрос, насколько осознанно регулируется этот процесс), так и его носителями, особенно молодыми людьми, принадлежащими к тем поколениям, которые выросли и сформировались в последние десятилетия.

Если говорить о русском языке, то в его обозримом прошлом, вероятно, было два исторических периода, когда он находился «на грани нервного срыва» (термин М. Кронгауза).

Первый был связан с коренными переменами в стране в начале двадцатого века, которые не могли не отразиться в языке народа. Безусловно, «дореволюционный» и «советский» русский имели множество отличий, однако в любом случае это был единый язык, сохранившийся до сих пор носителями русского языка, живущими за границей. Абсолютно исчерпывающее, на наш взгляд, объяснение этому

дается в работе Е.А. Земской, отмечающей: «Можно ли говорить о креолизации или пиджинизации русского языка у эмигрантов первой волны? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно, хотя несомненно, что он заслуживает специального изучения. Эмигранты первой волны и их потомки в большинстве своем многоязычны. Они владеют свободно (говорят, читают и пишут) двумя, тремя, нередко четырьмя и более языками, переходя с одного языка на другой, а не смешивая их. Русский – один из таких языков, причем он для них не просто средство общения, но предмет особого внимания и заботы, рефлексии, оценок. Они постоянно сопоставляют свой русский с “советским русским”, с другими языками, особенно часто с языком страны обитания (Земская 2000).

Иначе говоря, носители русского языка, эмигрировавшие из страны в описываемый период, были именно истинными билингвами, в сознании которых два или более языка, по мысли Л.В. Щербы сосуществовали как: «две отдельные системы ассоциаций, не имеющие между собой контакта. Это очень частый случай у людей, выучивших иностранные языки от иностранных гувернанток, с которыми они могли говорить только на изучаемом языке с исключением всякого другого. Поэтому им никогда не представлялось случая переводить с иностранного языка на свой родной и обратно, ибо предполагалось, не без основания, что гувернантка может быть хорошей только тогда, когда она не понимает ни слова из родного языка детей. Таким образом привыкают пользоваться иностранным языком, не перемешивая его с родным языком. Поэтому оба языка образуют в данном случае две автономные области в мышлении лиц, ставших двуязычными таким путем. Обученные этим способом люди хоть и говорят довольно бегло на обоих языках, но им всегда очень трудно найти эквивалентные термины двух языков: нужные слова приходят им на память только с трудом. Они могут объяснить, что значит та или иная фраза, то или иное слово, но всегда затрудняются его перевести. Тот же результат получается при обильном чтении без помощи словаря, он является также идеалом так называемого натурального метода преподавания языка» (Щерба 1974: 67-68).

Нынешние школьники, студенты и молодые преподаватели в России и Беларуси изучали иностранный, в частности английский, язык при помощи метода, подобного натуральному, получившего название коммуникативного (Communicative language teaching). Основы данного метода были разработаны экспертами Совета Европы в конце 70-х годов прошлого столетия, а затем он был повсеместно внедрен в систему постсоветского образования. Если ранее в советской высшей и средней школе ведущими методами в обучении иностранным языкам были традиционные лексико-переводной и интенсивный, где акцент ставился на развитие грамматической компетенции, умении читать и писать на чужом языке, то в последние тридцать лет целью обучения стало развитие коммуникативных навыков. Это предполагает, прежде всего, общение,

моделируемое на основе заученных фраз, употребляемых в той или иной ситуации при полном исключении родного языка. Такой метод, как отмечает в уже упоминавшейся нами работе Л.В. Щерба: *«между прочим, годен для коммивояжеров, для туристов и вообще для всех тех, кто должен войти в непосредственные сношения с иностранцами, но он не имеет абсолютно никакого значения для умственного развития учеников, детей или взрослых, ибо обучение языкам имеет образовательное значение только тогда, когда оно приучает к анализу мысли посредством анализа средств выражения. А этого достигают, только изучая параллельные языки и всегда отыскивая их соответствующие элементы. Только тогда обучение языкам становится мощным орудием формирования ума, высвобождая мысль (путем сравнения языковых фактов) из оков языка и заставляя учеников замечать разнообразие средств выражения и их значения до самых тонких оттенков. Все это возможно только при применении переводческого метода»* [выделено нами – И.Б., А.К.].

В результате такого обучения в настоящее время значительный слой нашего общества является билингвами абсолютно нового, по нашему мнению, типа – это билингвы, говорящие на некоем смешанном языке, возникновение которого стимулировано определенными социально-историческими условиями.

Перед тем, как более подробно остановиться на данном типе языковой личности билингва и последствиях распространения такого явления для национальной культуры и национального образа мира, нам представляется необходимым еще раз обратиться к самому понятию билингвизма или двуязычия/многоязычия.

Сразу необходимо подчеркнуть, что, несмотря на огромное количество работ, посвященных данной проблеме, до сего дня не существует общепринятого определения билингвизма. Однако при этом никем не подвергается сомнению убеждение Л.В. Щербы: всякое изучение второго языка ведет к двуязычию, а любое взаимодействие языков требует наличия людей, которые являются двуязычными в той или иной степени.

Можно предполагать, что существование множества воззрений объясняется различными аспектами, которые оказываются в фокусе внимания исследователей, когда они рассматривают сущность билингвизма.

Наиболее типичным является мнение, что главное качество билингва – равное владение двумя языками (Yumoto 2004: 137). В силу этого большинство лингвистов в своих определениях делают акцент как на степени владения разными языками, так и на частоте использования разных языков в процессе различных видов деятельности. Согласно предлагаемым ими дефинициям, двуязычие – это *«хотя бы приблизительно одинаково свободное пользование различными языками в любой обстановке, в том числе и в семье»* (Аврорин 1975: 276), которое

предполагает «равную или приближающуюся к равной степени владения и употребления как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности» (Ахунзянов 1976: 62). Иными словами, двуязычным может считаться человек, «который кроме своего первого языка в сравниваемой степени компетентен в другом языке, способен со схожей эффективностью пользоваться в любых обстоятельствах тем или другим из них» (Сигуан 1990: 11).

С точки зрения психолингвистов, подход которых в значительной степени совпадает с представлениями о данном феномене А.Мейе, Г.Шухардта, Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и других выдающихся языковедов, двуязычие – это, прежде всего, психологическая проблема (Леонтьев 1974). Более того, как подчеркивает А.Е. Супрун: «действительно определяющие характеристики типов двуязычия сводятся к социально-лингвистическим условиям его функционирования» (Супрун 1996:197). Выделяя два основных типа двуязычия – совмещенное и автономное, характеризующие две его крайние точки, А.Е. Супрун далее замечает: «При всем индивидуальном своеобразии двуязычия, при всем том, что первичной ячейкой двуязычия является двуязычный индивид (билингв), двуязычие, как и сам язык, по природе свой явление социальное. <...> **В двуязычии сложно переплетаются как психологические, так и социальные факторы речевой деятельности, связанные с множественностью языков в мире, с единством речевой способности и со всеобщей потребностью в общении**» (Супрун 1996: 203-204) [выделено автором – И.Б., А.К.].

Социальные аспекты двуязычия и связанные с ними проблемы стали еще более очевидными сегодня, в период культурного слома в России и бывших советских республиках, хотя, как отмечает Р.М. Фрумкина, к негативным последствиям раннего обучения неродному языку, в частности, к формированию «полуязычия», пытались привлечь внимание еще в конце восьмидесятых годов двадцатого столетия. «Согласно Хинту, – пишет исследовательница, – «полуязычие» – это такое положение вещей, когда человек, вроде бы владеющий обоими языками, фактически не владеет ни одним: столкнувшись с чуть более сложным смыслом, он не способен точно выразить его ни на одном из тех языков, которыми он якобы «владеет» (Фрумкина 2001: 165). Однако, признавая вслед за М.Хинтом само существование «полуязычия», Р.М.Фрумкина объясняет его не незнанием языка, а сломом культурно-бытовых традиций, отрывом человека от привычного быта и окружения, в результате чего личность попадает в конфликтную ситуацию и превращается в «полуязычного» индивида, зачастую прекрасно владеющего родным языком, но не умеющего выразить свои мысли.

Соглашаясь с автором в том, что специфика структуры языковой личности во многом зависит от степени ее адаптации к изменившимся

социальным условиям, мы не можем полностью разделить ее мнение о том, что основной причиной появления «полуязычного» индивида является изменение отношения к языковой норме. Безусловно, этот фактор вносит свой вклад в формирование языковой личности нового типа, который можно обозначить как «маргинальный билингв», главной характеристикой которого является поверхностное знание как родного, так и второго языка, и такие же отрывочные знания своей и чужой культуры. Такие билингвы-маргиналы предпочитают «оригинальные» (original) вещи из Европы, восхищаются новым «луком» (look) своих друзей, стремятся покупать только «ридеры представительского класса» (reader) и т.д. Эти билингвы (а речь здесь идет именно о студентах лингвистических вузов, достаточно свободно владеющих, по крайней мере, одним иностранным языком) полагают, что Вильгельм фон Гумбольдт жил в середине двадцатого века, Анна Ахматова была известной детской писательницей, «Господа Головлевы» написаны двумя писателями – Салтыковым и Щедриным, местоимение «мы» – это местоимение второго (я+ты) лица множественного числа, первым президентом США являлся Индиана Джонс, а May Flower – это некий цветок, названный по месяцу его цветения (все приведенные примеры взяты из собственной преподавательской практики авторов).

Но такой тип маргинального билингвизма, как и такая структура языковой личности – это не результат случайного стечения обстоятельств, вызванный недооценкой значимости навыков культуры речи. Подобный тип личности направленно формируется целым рядом социальных институтов, поддерживающих разрушение смыслового пространства национальной культуры при помощи самых различных методов, к которым относятся и изменение языковой нормы, и замена слов родного языка иноязычными словами, и многие другие, что в итоге ведет к изменению смыслового содержания национального образа мира.

Так, одним из примеров замены слова своего языка иноязычным словом является стирание различий в значении русского слова *терпение* и английской лексемы *толерантность*. Еще два десятка лет назад исследователи отмечали, что слово *толерантность* воспринимается славянским сознанием как чужеродное и непонятное (заметим попутно, что в русском языке существует и другая лексема – *терпимость*, более близкая по значению к *толерантности*). Однако сегодня, в результате направленного воздействия, *толерантность* практически стала эквивалентом русского понятия в языковом сознании современной молодежи, что полностью подтверждается данными ассоциативных экспериментов. Это могло произойти только в том случае, если мы имеем дело с совершенно иным типом билингва, в сознании которого звуковые образы двух слов разных языков представляют собой неразрывное единство, семантика которого не соответствует в полной мере ни русской,

ни англоязычной культуре, в чем легко убедиться, взглянув на таблицу, представленную ниже.

Русский язык	Английский язык
Терпение	Patience, endurance, persistence, indulgence, tolerance
1. Безропотно и стойко переносить что-либо (страдания, неприятность, боль, нежелательное) (suffer, endure, forbearance)	1. Endurance- выносливость, способность переносить (боль, страдания и т.д.)
2. Настойчивость, упорство и выдержка.	2. Persistence – упорство, настойчивость.
3. Мириться с наличием, существованием чего-либо или кого-либо, допускать что-нибудь, что неприятно для себя лично.	3. Indulgence (lenience, leniency) - снисходительность.
4. Уметь ждать.	4. Patience – терпеливость, терпение.
	5. Tolerance – способность испытывать что-то неприятное без внутренних переживаний , принять других людей, отличающихся по вере, убеждениям и т.д. без критики, даже в случае несогласия.

Этот ряд примеров можно продолжить. И все они будут свидетельствовать о том, что на современном этапе развития общества мы имеем дело с совершенно новым типом билингвизма. Возможно, именно этот тип является следствием полного исчезновения чувства непрерывности языка, что связано с уменьшением чувства национального самосознания и ослаблением связей внутри нации как отдельной социальной группы, о чем писал в свое время Л.В. Щерба.

Литература

- Аврорин, В.А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка М., 276 с.
- Ахунзянов, Э.М. (1976) Морфологическая интерференция в условиях русско-татарского двуязычия. М., 145 с.
- Земская, Е.А. Русский язык «в чужой одежде»: e-mail как средство транскрипции и инструмент лингвистического анализа: [Электронный ресурс]. 22.12.200. (Дата обращения 28.05.2013) URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_38

- Щерба, Л.В. (1974) О понятии смешения языков // Языковая система и речевая деятельность. Л., С. 60-74.
- Леонтьев, А.А. (1977) Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах: Словарь ассоциативных норм русского языка. М., Русский язык.
- Сигуан, М. (1990) Образование и двуязычие. М., Педагогика. 184 с.
- Супрун, А.Е. (1996) Лекции по теории речевой деятельности. (Пособие для студентов фил. фак-тов вузов). Мн., Бел. Фонд Сороса. 287 с.
- Фрумкина, Р.М. (2001) Психоллингвистика. (Учебное пособие для студентов высших учебных заведений). М., «Академия», 320с.
- Yumoto, K.A. (2004) Study of Cognitive Level of Bilingual Proficiency: What Makes Balanced Bilinguals? // The Journal of Asia TEFL. Vol. 1. No.2. Pp. 135-160.